

Плоды «куриные лапки» росли на высоком дереве и по форме действительно напоминали куриные когти - изогнутые, перекрученные, с виду даже немного пугающие. Но жители деревни их очень любили: выжатый сок был сладким, с лёгким грушевым ароматом; из плодов можно было делать вино или уваривать их в сладкую пасту. Денег они не стоили, но следовало поторопиться - кто первым пришёл, тому и досталось.

Дерево было очень высоким, даже до места, где начинались развилки ветвей, ни один из троих не смог бы добраться, так что оставалось лишь сбивать плоды длинным бамбуковым шестом. Они росли целыми гроздьями, свисая с концов веток.

Линь Мудун растянул подол одежды, чтобы ловить падающие плоды и не давать им разбиваться о землю - было бы жалко испортить. Они с Чэнь Сяньюэ ловили, а Чжоу Ли, хоть и был меньше ростом, зато обладал немалой силой и взял на себя всю работу с шестом.

— Вон там, на ветке, ещё остались, — Линь Мудун указал наверх. — Чуть левее.

Чжоу Ли пригляделся - и правда.

— Всё соберём. Оставлять в горах всё равно жалко. Лю Шунь, этот глупый гусь, как раз любит такие плоды, ему тоже наберу.

Чэнь Сяньюэ со смехом поддразнила:

— Да в горах их полно. Если ему хочется, разве сам не может прийти собрать?

Все знали, что Чжоу Ли нравится Лю Шунь, а поскольку он был самым младшим, каждый мог позволить себе немного над ним пошутить.

Чжоу Ли и не думал сердиться, только беззаботно рассмеялся:

— Глупому гусю нужно учиться, ему некогда бегать по горам за такими вещами.

Когда они поженятся, Лю Шуню достаточно будет заниматься учёбой, а он сам станет вести все дела и в доме, и снаружи. Отец с матерью постоянно ворчали, что он совсем не такой сдержанный, как другие молодые гэры, но изменить себя Чжоу Ли не мог, да и сам считал, что ему и так хорошо.

С одного дерева можно было набрать несколько корзин. Линь Мудун подобрал даже те плоды, что нечаянно упали на землю, - отнесёт домой и поставит для Сяо И фруктовое вино. Неизвестно, любит ли Сяо И такое вино. Оно было слаще и мягче зернового, и девушки с гэрами особенно его любили.

Линь Мудун посмотрел в сторону дома. Сяо И уехал совсем недавно, а к тому времени, как он вернётся, вино, возможно, уже будет стоять запечатанным в кувшине. Он поставит для Сяо И целый кувшин. И жареный тофу, который приготовил в полдень, тоже оставит ему. А вот побеги бамбука хранить не станет: через несколько дней они испортятся. Когда Сяо И вернётся, можно будет снова выкопать свежих.

В глазах Линь Мудуна светилось ожидание. Дни разлуки казались долгими, но вместе с тем впереди было столько приятного, чего можно было ждать.

Закончив собирать «куриные лапки», они отправились в бамбуковую рощу копать побеги. Роща была дикая; самые крупные побеги уже выкопали другие, и остались лишь те, что ещё прятались под землёй, едва показывая наружу острые верхушки.

— Пока собирали «куриные лапки», сюда всё-таки опоздали, — Чжоу Ли действовал стремительно: пока говорил, уже успел выкопать один побег.

Чэнь Сяньюэ шла следом и очищала его от оболочки:

— Ещё рано. Вот закончится осенняя уборка, тогда вся гора будет в них, ешь сколько захочешь. В прошлом году наш Дацян и Сяо И накопили немало на Западной горе. Дома столько не съесть, поэтому всё остальное отвезли продавать в город. А эти богатые господа, между прочим, любят такие вещи даже больше нас, деревенских.

У обеих семей были свои участки леса для заготовки дров, и поскольку земля там была плодородной, бамбук рос особенно густым и высоким.

Линь Мудун уже однажды там бывал, поэтому с улыбкой кивнул:

— Когда побеги подрастут и покажутся, я вас позову.

Все трое продолжали болтать, но руки при этом не останавливались. Вскоре они выкопали все побеги, что успели показаться из земли. Они не боялись, что вырвут слишком много и на следующий год бамбук не вырастет: после дождя побеги лезли один за другим, и за одну ночь их могло появиться множество.

— Давайте ещё впереди посмотрим, — только сказал Чжоу Ли, а сам уже убежал далеко вперёд, лёгкий и непоседливый.

Впереди была неприметная маленькая бамбуковая роща. Он просто хотел попытать удачи. В прошлом году именно там нашёл заросль горной малины, сплошь усыпанную красными ягодами. Чжоу Ли больше всего любил такую малину. Всё, что росло возле деревни, он давно обобрал один, и если хотелось ещё, приходилось идти в горы. Сюда почти никто не заходил, может быть, и в этом году ягоды остались.

Чжоу Ли пошёл вперёд один, но никак не ожидал увидеть здесь Лю Шуня. Возле той самой любимой заросли малины Лю Шунь как раз наклонился и собирал ягоды. В подоле его чистого светлого халата уже лежало немало. Чжоу Ли не сумел скрыть радости, поднял руку, собираясь помахать и окликнуть его. Но потом пригляделся внимательнее - рядом с Лю Шунем стоял ещё и Ли Вэньвэнь.

Зрачки Чжоу Ли слегка сузились, поднятая рука застыла в воздухе.

Вдалеке Ли Вэньвэнь стоял совсем близко к Лю Шуню. И смотрел на него точно так же, как сам Чжоу Ли.

Им нравился один и тот же человек.

И даже любимые ягоды у них были одинаковые.

— Брат Шуньцзы, откуда ты знал, что я люблю такие ягоды? — мягко спросил Ли Вэньвэнь.

В его глазах была улыбка, и он неотрывно смотрел на Лю Шуня.

Лю Шунь отсыпал Ли Вэньвэню несколько ягод из тех, что набрал, и сказал:

— Раз тебе нравится, возьми немного с собой. А остальные... я отнесу отцу и матери.

От такого взгляда растерялся бы не только Лю Шунь - даже Чжоу Ли на мгновение словно впал в оцепенение. Он ведь и раньше пытался изменить себя. Запирался в комнате, учился наносить румяна и красить губы. Или старался быть как Ли Вэньвэнь - улыбаться, не показывая зубов, и не говорить громко.

Но если не умеешь - значит, не умеешь. В итоге он только напугал Лю Шуня, а деревенские начали смеяться, что он подражает красавице Дун Ши (то есть неумело копирует чужую красоту). Вернувшись домой, Чжоу Ли долго плакал.

Он медленно опустил поднятую руку и ещё некоторое время молча смотрел издалека. Когда-то он упрашивал Лю Шуня ходить с ним в горы, но тот отвечал, что занят учёбой. Чжоу Ли верил ему. В будущем, которое он себе представлял, Лю Шунь должен будет учиться, а он сам - вести дом и заниматься всеми делами. Но теперь его мечта, похоже, подходила к концу.

Даже его любимую малину Лю Шунь ни разу не собирал для него.

Чжоу Ли подумал, что ничего страшного в этом нет. Он ведь всегда был толстокожим и бесцеремонным. Но когда уже хотел, как обычно, беззаботно открыть рот, вдруг понял, что щёки давно мокрые от слёз.

Он поспешно отвернулся и украдкой вытер лицо, и как раз в этот момент его догнали Чэнь Сяньюэ и Линь Мудун.

Чжоу Ли: ...

Всё, гордости больше нет. Совсем нет.

— Может, пойдём с другой стороны? — Линь Мудун беспокоился за Ли-гэра и не хотел, чтобы тот оставался здесь и продолжал расстраиваться.

Даже Чэнь Сяньюэ согласно кивнула.

Чжоу Ли махнул рукой и покачал головой:

— Не надо обходить. И прятаться от него тоже не нужно.

Он немного помолчал, а потом сказал:

— Подождите меня здесь. Я пойду и поговорю с ним начистоту.

Он развернулся очень решительно. Линь Мудун всё равно беспокоился за Ли-гэра, боясь, как бы тот сгоряча не натворил чего-нибудь. С тревогой на лице он позвал:

— Сестра Сяньюэ...

— Постоим здесь. Если они с Лю Шунем начнут ссориться, не дадим им разойтись.

Судя по тому, как всё происходило раньше, Чжоу Ли должен был подойти и устроить сцену, потом Лю Шунь беспомощно снова повторил бы, что хочет расторгнуть помолвку, а затем Чжоу Ли, не стерпев, принялся бы колотить Лю Шуня. Чэнь Сяньюэ и Линь Мудун уже приготовились разнимать их.

Но ничего подобного они так и не дождались. Чжоу Ли подошёл и совершенно спокойно сказал:

— Лю Шунь, давай расторгнем помолвку.

Под ошеломлённым, растерянным взглядом Лю Шуня, который будто вовсе не понимал, что происходит, Чжоу Ли не дал ему возможности ответить и просто развернулся и ушёл. А что подумал Лю Шунь, услышав эти слова, Чжоу Ли уже не знал.

К вечеру багровые облака растянулись по краю неба. Все трое сидели рядком на склоне, плечом к плечу глядя на деревню внизу. Вечерний ветер охлаждал щёки. Чжоу Ли опустил глаза и словно говорил сам с собой:

— В тот день, когда он сам пришёл расторгать помолвку, мои родители очень рассердились. Они уже хотели согласиться, а я закатил такую истерику, что ни за что не позволил. Отец из-за этого ещё и выпорол меня.

У Линь Мудуна защипало в носу. Он хотел как-нибудь утешить Чжоу Ли, поэтому очистил одну «куриную лапку», выбрал самый сладкий кусочек и сунул ему.

Чжоу Ли даже в печали не забывал тянуться к сладкому. Но чем слаще становилось во рту, тем горше было на сердце. Он разрыдался:

— Ничего... ничего страшного. Родители сказали, что в этом году урожай хороший. Когда продадут зерно, найдут мне кого-нибудь получше. Отец говорил, что У Лао-эр из соседней деревни хочет прийти свататься. Выкуп даст восемь лян... восемь лян...

Чжоу Ли рыдал так сильно, что платок совсем промок. Линь Мудун отдал ему свой новый платок, но вскоре промок и он, поэтому пришлось взять платок Чэнь Сяньюэ.

— Ли-гэр, второй сын семьи У тоже хороший человек, и родители у него добрые. Твои отец с матерью наверняка перебрали для тебя множество вариантов и выбрали его не просто так. Я слышала, что это сам У Лао-эр уговаривал родителей прийти в ваш дом свататься.

Родная деревня Чэнь Сяньюэ находилась там же, где жила семья У, поэтому она лучше знала их обстоятельства.

Линь Мудун сидел рядом очень осторожно. В таких делах он не смел давать советы наобум и только без конца очищал для Чжоу Ли «куриные лапки», надеясь, что тот поест сладкого и ему станет хоть немного легче.

Но Чжоу Ли разревелся во весь голос, совсем перестав сдерживаться, даже птиц в горах своим плачем распугал.

— Я не могу расстаться с Лю Шунем...

Но слова о расторжении помолвки уже были сказаны, и жалеть было поздно. А стоило вспомнить, что малину Лю Шунь собирал для Ли Вэньвэня, как сожаление тут же исчезало.

У Лао-эр уже несколько раз приходил к нему и каждый раз приносил лепёшки и сладости, а Чжоу Ли всё отталкивал и не брал. Теперь, если подумать, какой же он был глупый. Разве не лучше обнимать лепёшку, чем грызть этого деревянного чурбана Лю Шуня?

Слёзы у него лились, словно прорвало плотину. Линь Мудун смотрел потрясённо - впервые в жизни он видел гэра, способного так громко и долго рыдать.

Только когда Чжоу Ли наконец выплакался вдоволь, все трое неторопливо спустились с горы. Правда, выглядели они к тому времени несколько растрёпанно. Они вдвоём проводили Ли-гэра до дома и лишь потом, неся побеги бамбука, направились обратно в горную ложбину. Уже отходя от дома семьи Чжоу, Линь Мудун вдруг обернулся.

У ворот стоял человек. Это был Лю Шунь. Он всё ещё держал в подоле собранную малину, но отец и мать Чжоу не пускали его во двор.

.....

Спустилась ночь, над головой протянулся Млечный Путь.

Линь Мудун очистил побеги бамбука и нарезал ломтиками. Половину отправил в котёл и приготовил жареные ломтики бамбука с тушёным в соусе тофу. Другую половину составляли самые нежные сердцевинки побегов - их он оставил подвялиться в тени, чтобы потом замариновать. Ли Юйфэнь прекрасно умела солить овощи. Бабушка с внуком отыскивали пустой глиняный кувшин - как раз пригодился.

— Твой отец с матерью больше всего любили мою сушёную маринованную редьку. Жаль, сейчас её нет, а то высушили бы и тоже положили в кувшин, — сказала Ли Юйфэнь. Когда ломтики бамбука немного подвялились и лишняя влага ушла, она сложила внутрь всё оставшееся.

Линь Мудун немного подумал и нерешительно предложил:

— Бабушка, за домом есть пустой участок. Я хочу выдернуть там сорняки и сделать огород. У сестры Сяньюэ возле дома большой кусок земли, там растут редька, китайская капуста и зелёный лук.

Китайская капуста и редька были самыми обычными зимними овощами. Ещё когда Линь Мудун жил в городе, он подумывал выращивать зелень прямо во дворе - тогда не пришлось бы тратить деньги на покупку овощей. Теперь же свободная земля была прямо под рукой, как раз то, что ему хотелось.

Ли Юйфэнь выглянула наружу и тоже заметно заинтересовалась. Немного подумав, она осторожно кивнула:

— Пока вскопаем только одну грядку. Остальное решим, когда зять вернётся.

Бабушка с внуком переглянулись и рассмеялись - оба заметили в глазах друг друга одинаковую

робость. Дело было вовсе не в том, что они хотели дождаться Сяо И, чтобы тот сам копал землю. Просто ни один из них не решался самостоятельно распоряжаться такими вещами, как переделка двора.

Вечером они съели простой ужин. Умывшись, Линь Мудун рано вернулся в комнату отдыхать. Он собирался сшить Сяо И новый кошелек из ткани, оставшейся после пошива одежды, но уже стемнело, разглядеть стежки было трудно, да и тратить слишком много масла для лампы он не хотел. Придётся заняться этим завтра, когда выдастся свободное время.

Линь Мудун лёг в постель. Впервые он спал один в пустой комнате. На циновке возле кровати никого не было, и он никак не мог к этому привыкнуть. Темноты Линь Мудун боялся с детства. Когда был маленьким, всегда спал с отцом и матерью, а когда подрос и стал спать отдельно, всё равно не осмеливался даже высовывать руки или ноги из-под одеяла.

Ветер завывал в горном лесу то мягко и протяжно, то вдруг резко и пронзительно: у-у-у, словно дул прямо возле его ушей. Линь Мудун съёжился под одеялом, охваченный беспомощным страхом. За домом откуда-то взялся дикий кот и внезапно пронзительно завыл, окончательно доведя его до предела. Линь Мудун шмыгнул носом и вдруг понял, что немного хочет в уборную.

Вот бы Сяо И сейчас был рядом.

Он соскучился по Сяо И.

Рука, спрятанная под подушкой, вдруг наткнулась на что-то твёрдое. Это был травяной кузнечик, которого подарил ему Сяо И. Сплетённый кузнечик выглядел совсем как живой, и Линь Мудуну даже почудилось, будто на нём ещё сохранилось тепло ладоней Сяо И.

От этой маленькой иллюзии на сердце вдруг стало спокойнее. Линь Мудун крепко сжал травяного кузнечика, представляя, будто Сяо И лежит совсем рядом, и так, не выпуская его из руки, проспал всю ночь.

<http://bllate.org/book/19002/1991159>